

На правах рукописи

Рябкова Ольга Вячеславовна

**Искусство отчуждения в поэзии
Даниила Хармса и Иосифа Бродского**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург - 2006

Диссертация выполнена в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Уральский государственный университет им. А.М.Горького» на кафедре русской литературы XX века

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор Т.А.Снигирева

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Н.В.Барковская

доктор филологических наук,
профессор Ю.В.Казарин

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Тверской государственный университет»

Защита диссертации состоится «__» июня 2006 года в __ часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Уральском государственном университете им. А.М.Горького по адресу: 620083, г.Екатеринбург, пр.Ленина, д.51, комн.248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М.Горького

Автореферат разослан

« » мая 2006 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор филологических наук, профессор

М.А.Литовская

Общая характеристика работы

Актуальность. Диссертация посвящена исследованию феномена отчуждения как искусства на материале поэзии Даниила Хармса и Иосифа Бродского. Отчуждение в поэтическом мире Хармса и Бродского представляет собой осознанный выбор стратегии организации текста, реализующей мировоззренческие и эстетические установки авторов, а также отбор художественных средств для их воплощения. Аспект рассмотрения отчуждения как ведущего принципа создания эстетически завершенной реальности обусловил выбор поэзии Д.Хармса и И.Бродского в качестве материала исследования, так как поэзия связана с феноменом отчуждения в большей степени, чем любой другой вид искусства, являясь особым типом языковой деятельности, основанным на явлении отчуждения. Особенно актуальной проблема отчуждения как искусства становится относительно художественных миров Д.Хармса и И.Бродского, представляющих собой тип поэтического миромоделирования как воплощения особой философской системы, в основе которой лежит принцип отчуждения.

Появление поэзии обусловлено прежде всего особым состоянием сознания, которое можно охарактеризовать как отчужденное от обыденного способа восприятия. Исключение из пределов мира в его повседневных проявлениях как специфика поэтического состояния сознания обуславливает и выпадение творящего «я» из языкового наполнения обыденной реальности, что приводит к появлению особого, вне-повседневного языка. Иной способ существования языка, обусловленный отчужденным/поэтическим состоянием сознания, подробно описывается и анализируется Ю.В.Казариным как «поэтическое состояние языка» (термин Ж.Женетта). Отчужденное от обыденного, то есть поэтическое состояние языка проявляется в иных по отношению к повседневной норме принципах функционирования языковых единиц, в ином подходе к номинации реальных, в разрыве привычных связей между формой и смыслом слова. Следовательно, отчуждение как выпадение творящего «я» из границ повседневности и обретение иных, чуждых обыденным способом восприятия и обусловленного им способа выражения, то есть специфических для поэзии состояния сознания и языка, становится универсальным, неперенным условием рождения поэтического текста.

Выбор поэзии Д.Хармса и И.Бродского в качестве материала исследования обусловлен типологическим сходством применяемых поэтами стратегий художественного миромоделирования, основанных на принципе отчуждения. При этом отчуждение, воплощенное у Хармса и Бродского в специфике организации поэтической реальности на различных уровнях текста посредством различных художественных приемов и механизмов смыслопорождения, становится также способом реализации эстетических установок поэтов относительно общего эстетического канона эпохи. Столь различные на первый взгляд поэтические пространства, включаемые исследователями в связи с тем или иным аспектом творчества поэтов в многочисленные разнообразные художественные парадигмы, в частности: модернизм, авангард как «разрушение средствами искусства существующих литературных канонов и норм» (И.Е.Васильев), сюрреализм, основанный на принципе письма как выражении бессознательного (М.Ямпольский), абсурдизм как «самодостаточное и закрытое текстовое «бытие-в-себе» (Д.В.Токарев), экспрессионизм, актуализирующий в качестве ведущего принципа организации художественного мира «грандиозный процесс самоотчуждения» (Н.В.Пестова), постреализм как постоянное присутствие на различных уровнях текста «состояния отчуждения – от социума, от людей, от истории, от природы» (Н.Л.Лейдерман), а также и постмодернизм (О.А.Лекманов), сближает единая целенаправленная, декларируемая и акцентируемая стратегия отчуждения в качестве как основы и самого способа создания поэтического мира, так и некоего единого, специфического для Хармса и Бродского принципа художественного самосознания относительно общего литературно-исторического контекста. В качестве такого принципа может быть названо отстранение, выпадение из всеобщей, современной каждому из поэтов художественной парадигмы, отторжение мировоззренческих и эстетических принципов господствующего литературного направления. Так, творчество Д.Хармса представляет собой явление авангарда в эпоху соцреализма, то есть искусства, в основе которого заложена установка на разрушение всех, в том числе и соцреалистических литературных принципов и канонов средствами поэзии. Художественный мир И.Бродского достаточно трудно включить в какую-либо парадигму на основании тех или иных категорий поэтики, однако его творчество в

эпоху постмодернизма также выпадает из общих для этого направления установок на игру и тотальную иронию, в связи с чем творчество Бродского может быть условно охарактеризовано как явление модернизма в эпоху постмодерна.

В связи с явлением отчуждения, определяющего своеобразие художественных миров Д.Хармса и И.Бродского, нами были учтены работы исследователей, направленные на выявление и анализ феномена отстранения в поэзии Хармса и Бродского, а также обусловленной им специфики организации текста: М.Б.Ямпольского, Ж.-Ф.Жаккара, Д.И.Токарева, Е.Г.Красильниковой, С.И.Красовской, М.Ю.Лотмана, Ю.М.Лотмана, Й.Кюста, М.Н.Липовецкого, Н.Л.Лейдермана.

Источником понятийного поля и терминологии, используемых в работе, кроме собственно литературоведческих, послужили принятые в философских системах экзистенциализма и феноменологии категории и понятия, так как именно в связи с философией Ж.-П.Сартра и М.Хайдеггера появляется понятие отчуждения как особого состояния реальности и специфики пребывания познающего сознания в этой реальности. Термин «отчуждение» использовался в различных философских системах, в том числе – в философии Г.В.Ф.Гегеля, К.Маркса, И.Г.Фихте, при этом различия в смыслах, вкладываемых в понятие отчуждения, довольно существенны и обусловлены как социально-историческими предпосылками, так и спецификой мировоззрения и мышления того или иного мыслителя. Однако наше исследование поэзии Д.Хармса и И.Бродского строится на том понимании отчуждения, которое было выдвинуто и разработано философией экзистенциализма, то есть отчуждении как некоторой априорной данности человеческого сознания, обуславливающей специфику его самоопределения в мире. В соответствии с экзистенциальной философией исчезновение, пустота, Ничто изначально присутствуют в самом явлении человеческого бытия, в связи с чем, существуя, человек тем самым постоянно реализует и возможность своего отсутствия, небытия. Таким образом, согласно экзистенциализму, человеческое сознание обречено на существование посредством постоянного дистанцирования от своей реальности и себя самого.

Применение понятийного поля и категориального аппарата философии для анализа и описания поэтического текста становится особенно актуальным в связи с

проблемой отчуждения как стратегии создания особого, внеповседневного смыслового и эстетического пространства, так как язык, которым говорит и в котором рождается философия, представляет собой «остранение» языка повседневного, разрыв связи с прежними значениями и прежними принципами номинации. Следовательно, философия и поэзия представляют собой варианты отчуждения языка от его обыденной нормы, «остранение» повседневного образа языка и языковых связей между выражением и смыслом. В связи с этим представляется закономерным использование языка философии для описания специфики поэтического языка, так как именно философия в силу своей отстраненности от привычной языковой нормы является адекватным инструментом литературоведческого анализа поэзии Д.Хармса и И.Бродского как художественных пространств, организованных по принципу отчуждения на различных уровнях, то есть для исследования отчуждения как ведущей текстовой стратегии.

Нами в работе использованы понятия и категории, некоторые из которых были введены И.Кантом и полнее разработаны философией экзистенциализма в связи с феноменом отчуждения и спецификой отчужденного бытия человека в реальности, такие как «вещь-в-себе» (и «для-себя»), «бытие для других», «бытие-для-себя» («бытие-в-себе»), «я-в-мире», «мир-без-меня», а также категория Другого как обозначение чуждого, непознанного, то есть не присвоенного сознанием явления.

Понятие «вещи-в-себе» («для-себя») было введено И.Кантом в его работе «Критика чистого разума» как выражение невозможности абсолютного познания человеком вещи в частности и самого явления бытия в целом, невозможности их полного присвоения сознанием, что обуславливает присутствие в вещи/бытии некоего скрытого, изначально недоступного человеческому познанию смысла, самодостаточного, замкнутого на себе состояния, определяемого Кантом как «вещь/бытие-в-себе и для-себя». Вещь/бытие в процессе познания их человеком предстают в качестве совокупности внешних проявлений, адресованных познающему сознанию и воплощающих образ вещи/бытия в человеческой повседневной реальности, то есть то состояние, которое Кант назвал «бытием-для-других».

Присутствие человека в реальной действительности, его включенность во все многообразие проявлений мира, то есть осознание своего «я» как условия и формы существования мира описывается экзистенциалистами посредством понятия «я-в-мире». Соответственно, событие отстранения от мира, а также и от своих собственных эмоций и переживаний, рожденных в момент пребывания в реальности и вызванных тем или иным проявлением этой реальности, приводит к особому состоянию самого познающего «я», определяемого как «я-без-мира», а также и к особому состоянию мира, утратившему «я» в качестве формы своего существования, которое характеризуется как «мир-без-меня».

Для описания специфики пребывания отчужденного сознания в материальной реальности относительно телесности и плотности мира, а также относительно телесности самого человека были применены категории феноменологии, в частности, «здесь-и-сейчас» как обозначение единого, нерасчлененного момента восприятия реальности во всей совокупности тех её проявлений, которые в момент этого восприятия включены и актуализированы в пространстве познающего сознания; а также «тело» и «телесность» в феноменологическом понимании, то есть в качестве основного инструмента и способа познания реальности.

Объектом исследования феномена отчуждения как искусства является поэзия Д.Хармса и И.Бродского, так как поэзия представляет собой особый вид языковой деятельности, реализующей в специфике художественного миромоделирования отстраненное от повседневной реальности состояние сознания, обуславливающего особое состояние языка, утрачивающего связь с языком повседневным. Исследование отчуждения в качестве стратегии моделирования художественного мира на материале поэзии также обусловлено и тем, что в поэтическом тексте актуализировано единство и связи иного, не только семантического рода, то есть поэзия обнажает саму специфику создания новой, поэтической природы слова, сам способ разрыва связи поэтического состояния языка с повседневным, следовательно, саму реализацию стратегии отчуждения посредством определенных художественных приемов и средств.

Предметом исследования является способ моделирования художественного мира в поэзии Д.Хармса и И.Бродского, то есть проблематики, поэтики и особых

механизмов смыслопорождения, в основе которых лежит феномен отчуждения как реализации авторских мировоззренческих и эстетических установок.

Теоретическая значимость и актуальность работы заключаются во-первых, в продолжении и уточнении вырабатываемых современной филологией приемов литературоведческой реконструкции философской версии бытия, реализованной в поэтическом тексте; во-вторых – в обнаружении коррелятивных отношений между философскими категориями и поэтической образностью.

Практическое значение исследования. Результаты исследования могут быть использованы при чтении лекционных курсов по истории литературы XX века, при разработке и чтении спецкурсов по поэзии XX века, а также спецкурсов «Философия и литература», «Философская поэзия XX века».

Цель данной работы – выявление и анализ способов реализации стратегии отчуждения как основы создания художественного мира Д.Хармса и И.Бродского.

В связи с этим главными **задачами** работы становятся:

на материале поэтического мира Д.Хармса: 1) исследование явления отчуждения как авторской стратегии «очищения мира» от временной, пространственной определенности, а также следов рационального и духовного опыта человека, а именно – культуры и религии; 2) описание феномена отстранения от своего «я», включенного в рамки повседневной реальности, что порождает явление онтологической неуверенности в поэзии Хармса; 3) анализ собственно языкового уровня поэзии Хармса, организованного по принципу высвобождения языка из рамок нормы и обуславливающего особый тип взаимоотношений с читателем.

Относительно поэзии И.Бродского в качестве основных задач могут быть названы следующие: 1) выявление феномена отчуждения как способа разрушения повседневного образа вещи с целью открытия её в качестве чистой формы пространственно-временной организации, а также описание «пограничного» смысла материи как формы проявления и существования вещи в реальности; 2) анализ отчуждения в качестве процесса и результата творческого акта, направленного на воплощение своего «я» как отсутствующего в рамках пространственно-временной определенности мира; 3) исследование отстранения от

обыденного состояния языка с целью обретения иной, поэтической/божественной природы слова.

Методология работы. Специфика методологии работы обусловлена пограничным характером и аспектом исследуемого феномена, представляющего собой синтез философских и эстетических проблем. Вследствие этого в данной работе были использованы как типологический и структурно-функциональный методы анализа текста, так и методы феноменологии. Относительно поэзии Д.Хармса продуктивным также является метод рефлексивного чтения, так как тексты Хармса имеют неклассический, диалогический, провокационный характер, вызывающий определенные читательские реакции, принципиально важные в аспекте исследуемой проблемы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Отчуждение как мировоззренческая и эстетическая установка реализуется в поэзии Д.Хармса посредством стратегии «очищения» мира от бытийных координат, что воплощается в нейтрализации временной определенности мира, трансформации пространства, а также в деконструктивной направленности изображения сфер культуры и религии.
2. Феномен отчуждения формирует особый тип самоописания в поэзии Хармса, характеризуемый как «принцип онтологической неуверенности».
3. Отстранение от нормы на языковом уровне в поэтическом пространстве Д.Хармса представляет собой художественную стратегию трансформации языковой природы и открытие новых механизмов смыслопорождения.
4. В поэзии И.Бродского отчуждение представляет собой способ моделирования художественного мира, направленный на создание особого пространства постбытийной пустоты, в связи с чем поэтом осуществляется деформация и исчезновение материального мира и высвобождение бытийных координат времени и пространства в их «чистом виде».

5. Отчуждение как художественная стратегия в поэзии И.Бродского обуславливает специфику описания своего «я» относительно как мира, так и Вечности, что воплощается в поэтической процедуре завершения своего пребывания в реальности и выходе в сферу Вечности.
6. Отчужденное от повседневности состояние сознания в поэзии И.Бродского порождает особый тип языкового бытия личности, характеризующийся как «поэтическое состояние языка».

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав (каждая из которых включает в себя три параграфа), заключения и библиографии, включающей 196 источников.

Апробация работы. Основные положения данного исследования обсуждались на научных конференциях: «Дергачевские чтения» (УрГУ им. А.М.Горького, Екатеринбург, 2004), «Изучение творческой индивидуальности писателя в системе филологического образования наука – вуз – школа» (УрГПУ, Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник», Екатеринбург, 2005).

Содержание работы

Во **введении** дается интерпретация философского понятия «отчуждение» в аспекте мировоззренческой и эстетической установок Д.Хармса и И.Бродского, реализуемых посредством определенных текстовых стратегий и обуславливающих своеобразие художественного мира, основанного на категории пустоты как ведущего принципа моделирования поэтической реальности, а также обзор литературно-критического и философского материала.

Первая глава «Даниил Хармс: отчуждение как реконструкция «домирной пустоты» посвящена исследованию текстовых стратегий в поэзии Д.Хармса на основе принципа отчуждения, особым образом организующих художественный мир как стремящийся вернуться в состояние «до-родовой» пустоты. Бытие «Я» в тексте становится возможным благодаря самодистанцированию пишущего, отсложению нового самодостаточного бытия своего «Я». Следовательно, воплощение себя и своих состояний в тексте оказывается всегда созданием и рождением себя как Другого. Эта принципиальная

невозможность избежать самоотчуждения в процессе письма становится одним из ключевых вопросов теории и практики направления ОБЭРИУ, к которым в ранний период своего творчества принадлежал и Д. Хармс.

Отчуждение вещи/Я-в-реальности от вещи/Я-в-тексте, отчуждение творца от собственного текста было осмыслено ОБЭРИУтами применительно к технике создания и эстетике художественного произведения. Отчуждение из неизбежного этапа творчества было преобразовано в необходимое условие как собственно существования текста, так и его художественной ценности. Так, в рамках направления ОБЭРИУ декларировалось сознательное стремление творца к отчуждению от своего текста. Посредством письма создается новый мир, новый, совершенно автономный организм, живущий отдельно от своего творца, самостоятельно изменяя свой образ и способ своего бытия. Такой подход к творчеству обуславливал новый тип взаимоотношений творца и текста, построенный на постоянном удивлении перед изменяющейся и не поддающейся рациональному постижению природой своего текста. Эта динамика, отсутствие любой фиксированности в природе текста абсолютно вписывались в концепцию мира ОБЭРИУ: постоянно меняющегося, непредсказуемого, непознаваемого с помощью обыденной логики и рационального сознания, вызывающего неизменное удивление как единственно устойчивую эмоцию.

В первом параграфе **«Разрушение бытийных координат как способ «очищения» мира»** анализируется воплощение авторской установки на разрушение таких опор человеческого существования, как время, пространство, культура и религия. Нейтрализация человеческого рационального и духовного опыта в познании и описании мира средствами искусства становится, по Хармсу, способом очищения мира от присутствия в нем человеческой субъективности.

Первый раздел «Нейтрализация временной определенности» посвящен рассмотрению художественных способов нивелирования категории времени. Разрушение значения слова «время» в его повседневном употреблении, а также обыденных способов измерения и описания времени воплощает концепцию времени как проявление в мире потусторонней, не поддающейся изменению и описанию в терминах логики и обыденного языка силы: *«А время – суп высокий, длинный и широкий»*. Отмена рациональных способов измерения и описания

времени утверждает растворение временного потока в каждом предмете и проявлении мира: *«Часы беспомощно стучат / Растет трава, тебе не надо время»*. Таким образом, происходит отрицание времени всеобщего и воплощение времени субъективного, в качестве индивидуально переживаемой утраты, адекватное описание которого становится возможным лишь средствами измененного, отчужденного, то есть поэтического состояния языка.

Второй раздел «Трансформация пространственной организации мира» представляет собой исследование особой организации художественного пространства в поэзии Хармса, которая становится событием перехода реальности в иное, чуждое повседневной норме состояние в связи с обретением вещью/телом новой природы. Иная природа вещи/тела обнаруживает себя в специфике их бытия относительно своей формы как определенным образом организованной части пространства, а также и относительно самого пространства в целом, то есть таких обусловленных им характеристик положения вещи/тела, как вертикальность / горизонтальность, линейность / нелинейность, динамика / статика. В связи с этим универсальной для категории пространства в поэзии Хармса становится ситуация распада и разрушения как проявление новой, чуждой норме природы вещи/тела и нового способа их бытия относительно пространственных координат. Тексты Хармса, стремящиеся к самопоглощению, саморазрушению как возвращению в до-бытийную пустоту строятся на универсальной ситуации распада, воплощающей вариант иного по отношению к повседневному состоянию мира, где предметы связаны особого рода связями и функционируют особым образом: *«Дева падала в кувшин, / ноги падали в овраг», «в репей закутанная лошадь / как репа из носу валялась»*. Такое «инобытие» порождает присутствие игрового мира в поэзии Хармса, причем тексты Хармса открывают как минимум два типа игры: игра «в куклы» («Один старик смотрел на небо...») как отражение, сублимацию реальности и игра «в мозаику, калейдоскоп, коллаж» («Я вам хочу рассказать...», «Пристала к пуделю рука...»), где главным игрообразующим принципом становится разрушение любой смысловой целостности, установка на достижение абсолютного распада, пустоты в обыденном смысловом пространстве.

Распад предмета или явления на отдельные части, являющийся у Хармса универсальным метасюжетом, текстовым событием, представляет собой

реализацию отчуждения на смысловом уровне. При этом распад и разрушение предметов воплощают концепцию вечно изменяющегося динамичного бытия, некоего иного, трансцендентного состояния мира, обрести которое позволяет ситуация падения как изменения состояния сознания, как переход границы между обыденным и потусторонним состояниями мира: *«Каблуков сказал увы / на плечах его висело / три десятых головы»*. Подвижность, текучесть мира в поэзии Хармса порождает явление мозаичности бытия, замещения вещей или их частей чуждыми ранее вещами, взаимопроникновение и взаиморастворение вещей друг в друге, что реализует характерный для детского сознания способ восприятия мира как единой метафоры, как временного случайного единства чуждых друг другу частей, постоянно способных к новому распаду как творению «домирной пустоты» (Токарев).

В третьем разделе **«Стратегия деконструкции в пространстве культуры и религии»** анализируются художественные стратегии деконструкции в поэзии Хармса, направленные на разрушение и слом культурных стереотипов и религиозных канонов. Отменяя закрепленные в сознании носителей культуры имена, события и феномены, Хармс стремится заново написать историю культурной эволюции человечества, наполнить ее своим пониманием культурной ценности и значимости, что порождает появление в поэтическом пространстве Хармса культурных двойников, отчужденных от своей фиксированной культурной биографии и судьбы. Разрушение окаменевших в культуре образов, текстов, событий, акт творения их, лишенный момента вторичности, становится перерождением культурного феномена, моментом обретения иного, чуждого культурной традиции, но «своего» для читателя смысла: *«Эй Махмет / гони мочало / мыло дай сюда Махмет. / Крикнул тря свои чресала / в ванне сидя Архимед»*. Слом культурных стереотипов происходит у Хармса благодаря языку, который становится обновляющим началом, так как акт новой номинации культурного феномена обновляет его суть и его значимость. Так, отчуждение на уровне культуры становится у Хармса единством противонаправленных эстетических стратегий: разрушение культурного феномена одновременно является его возрождением, а отчуждение становится способом нейтрализации чуждости культурной традиции обыденному сознанию.

Слово о Боге в поэзии Хармса также разрушает строго закреплённые традицией канонические формы и понятия. Бог как трансцендентное начало является исходной, первичной точкой бытия и присутствует во всех проявлениях мира. Познание божественной чистоты/пустоты бытия становится возможным благодаря открытию отчуждённого от обыденности состояния языка, обладающего способностью воплощать бытие предмета, называя его. Соответственно, и адекватное слово о Боге возможно лишь в изменённом состоянии сознания и языка: *«бог: куф куф куф / престол гелинеф / Херуф небо и земля / Сераф славы твоя»*. В связи с этим Хармсом переосмысливается каноническая форма молитвы как обращения к Богу. Молитва у Хармса является каноном не по текстовому содержанию, а по изменённому, отчуждённому от повседневности состоянию сознания.

Отчуждение от основ и координат бытия приводит к отчуждению познающего «Я» от самого себя, включённого в эту систему координат. Таким образом, в поэзии Хармса воплощается предельная грань отчуждения как мировоззренческого и эстетического принципа, что находит отражение в явлении онтологической неуверенности в художественном пространстве Хармса.

Второй параграф «Принцип онтологической неуверенности» посвящён исследованию самоопределения и самоописания познающего сознания на основе принципа отчуждения. Восприятие бытия, его координат и способов его описания как чуждых познающему сознанию порождает сомнение в явлении самого бытия, а также в существовании самого познающего Я в этом бытии. Онтологическая неуверенность обуславливает появление категории пустоты, отсутствия в поэзии Хармса, причём пустота как результат отчуждения познающего Я от бытия поглощает реальность, принимая её формы, пространственные и звуковые характеристики: *«За стеной никто не лает / и никто не говорит»*. Пустота и отсутствие становятся звучащими, говорящими, оформленными, видимыми: *«как нам выйти из неё / мимо этого большого / не забора»*. Однако именно благодаря исчезновению, познанию отсутствия в поэзии Хармса происходит утверждение бытия как могущего «не быть», реальность, переживаемая как утраченная, в том числе и реальность познающего «Я», обнаруживает себя в качестве присутствующей, существующей в момент настоящего или прошедшего времени.

Третий параграф «Отстранение от нормы на языковом уровне и механизм смыслопорождения» содержит анализ языковой организации текстов Д.Хармса, где также реализуется явление отчуждения от нормы, причем полем отчуждения в данном случае становится воспринимающее текст сознание. Языковые эксперименты Хармса, созданные по принципу разрушения любых смысловых ассоциаций читателя, полностью нейтрализуют контакт и взаимодействие между автором и читателем в рамках обыденной понятийной системы, однако вместе с тем устанавливают новый, чуждый рациональному, логическому способ восприятия и понимания текста. Хармс стремится к отчуждению и остранению привычного облика языка и привычных, закрепленных за языковыми единицами смыслов на всех языковых уровнях: *«был стручок балован судьей / и в министерство / к ночи мехом / или коровы в звериной беде / замыкая шествие монахом»*. Нарушения грамматических, орфографических, пунктуационных и всех возможных языковых норм становятся способом высвобождения языковой стихии из рамок сковывающей его нормы, перерождения языка, открытия его непредсказуемой трансцендентной природы, средством пробуждения в читателе живого чувства и ощущения языковой стихии. При этом читатель, обретающий себя-в-тексте прежде всего как жертва игры в обман и нарушение своих ассоциаций, языковых ожиданий и привычек, постепенно становится полноправным участником игры в распад нормы, тем самым деконструктивным началом, порождающим и осуществляющим производство текста как распада нормы, запускающим движение текста к саморазрушению, то есть к воплощению трансцендентной чистоты и пустоты.

Так, явление отчуждения в поэзии Д. Хармса, рассматриваемое нами в качестве универсальной художественной стратегии организации поэтического пространства, представляет собой слом нормы на всех уровнях бытования текста и слова в тексте, что обуславливает появление нового типа коммуникации с читателем и нового типа гармонии, рожденной посредством механизма тотального разрушения. Феномен отчуждения, реализующий установку на очищение мира, представляет собой в поэзии Хармса основной механизм смыслопорождения, особым образом организуя текст и становясь основой его смыслового и структурного единства.

Вторая глава «Иосиф Бродский: отчуждение как творение постбытийной чистоты» направлена на исследование художественных стратегий И.Бродского, в основе которых лежит феномен отчуждения и порождаемая им категория пустоты, обуславливающих такую специфику поэтического пространства, которая может быть охарактеризована как «бытие после бытия», а также «бытие вне себя». Явление отчуждения в художественном мире И.Бродского, а также порождаемая им в качестве бытийной категория пустоты обладают характеристикой развития в аспекте перехода из неосознанного качества текстового поведения говорящего «я» в сознательное стремление к отстранению от реальности и себя самого в этой реальности, к созиданию пустоты, позволяющей избавить мир от себя и себя от мира с тем, чтобы познать и вместиться в бытийные координаты времени и пространства в их чистом виде и тем самым совпасть с Вечностью. Относительно поэтического пространства Бродского уместно говорить об отчуждении как об особой структуре сознания, специфическим образом выстраивающей свои отношения с реальностью и самим собой, что обуславливает особый способ моделирования художественной реальности.

В первом параграфе «Вещь – пространство – время. Материя: между бытом и бытием» рассматривается творение своего отсутствия в материальном мире посредством поэзии, что позволяет отчужденному сознанию познать вещь как форму пространственно-временной организации, а также открыть сам способ проявления вещи в реальности – материю – в качестве границы между бытом и бытием.

Искусство отчуждения в поэзии И.Бродского представляет собой стремление сознания утратить повседневный мир во всех его формах и проявлениях, чтобы обрести новый тип бытия в пространстве Вечности. Обретение себя как формы пустоты (Вечности) происходит посредством очищения «априорных форм чувственности и рассудка» (Кант) – бытийных категорий пространства и времени – от наполнения повседневным содержанием, от обыденных смыслов. Сознание, стремящееся к утрате повседневных форм и смыслов мира, открывает «чистую форму» (Кант) вещей, пространства и времени, то есть бытие «в чистом виде» (Бродский), познавая «вещи-в-себе» (Кант), ускользающие от познания в повседневной реальности. Отчуждение от обыденной

реальности происходит прежде всего как утрата плотности вещного материального мира, точнее, как деформация и распад того образа и смысла вещи, в связи с которыми она существует как «вещь для других», созданная человеческой субъективностью: *«Но в чьем-то напряженном взоре / маячит в сумраке ночном / окном разрезанное море»*. Извлечение своей субъективности, памяти и эмоционального наполнения, которые в совокупности образуют значение и способ существования вещи в повседневной субъективной реальности, становится моментом высвобождения в предмете присутствия пустоты, бытия в-себе и для себя, что позволяет отчужденному сознанию, познавая вещь вне своей субъективности, познавать её как форму пространственно-временной организации: *«Пустота раздвигается, как портьера. / Да и что вообще есть пространство, если / не отсутствие в каждой точке тела?»*. Деформация образа вещи в состоянии «для других» обнажает сам способ проявления вещи в мире, то есть материю. Материя представляет собой порог, границу между бытовым и бытийным смыслом вещи, между её существованием в повседневной реальности и существованием в качестве определенной формы чистого, совпадающего с Вечностью, пространства. Утрата своего присутствия в мире позволяет отчужденному «я» освободиться от совокупности тех качеств и свойств, в связи с которыми материя обнаруживает себя в реальности: цвета, длины и размера, звука, плотности, которые на самом деле представляют собой разнообразные пространственно-временные комбинации: *«Окраска / вещи на самом деле маска / бесконечности, жадной к деталям»*. Так, отстранение от присутствия своей субъективности в формах материального вещного мира позволяет сознанию в отчужденном состоянии познавать предметы как формы определенным образом организованных пространства и времени, как некоторой оформленной части вечных бытийных категорий.

Второй параграф «Процедура небытия» как творение постбытийного пространства» представляет собой описание способа творения постбытийного пространства в художественном мире Бродского и особого типа бытия отчужденного сознания в нем.

В первом разделе **«Избыток переживания мира: «бытие вне себя»** анализируется особый тип восприятия действительности, порождающий выход

воспринимающего сознания за пределы повседневной реальности. Само явление отчуждения, которое в поэзии Бродского представлено и в качестве процесса, и в качестве результата – особого способа существования сознания в отчужденном состоянии – происходит как завершение прежнего и зарождение нового бытия. «Я», переходящее меру в ощущении бытия, разрушает границы обыденных переживаний, выплескиваясь за его пределы, обретая тем самым свою новую природу и новый, внепредельный тип бытия: *«Человек отличается только степенью / отчаянья от самого себя»*. Переполнение повседневной меры в проживании мира становится событием завершения, прекращения пребывания сознания в рамках повседневности и выходом в иную, трансцендентную сферу бытия, разрывом связи с прежним образом и способом существования своего «я», обретением новой структуры сознания.

Второй раздел «Завершение себя-в-мире» посвящен исследованию специфики самоописания отчужденного сознания, характеризуемой как «завершение своего пребывания в рамках повседневной реальности», приводящей к завершению образа своего «я», оставленного в обыденной системе координат. Выход из себя-прежнего, оставленного и завершенного, означает выход из своего прошлого образа как о-пределенного, ограниченного бытия с целью обретения своей внепредельной сущности в пространстве Вечности. «Бытие вне себя», пребывание вне своего тела, которое утверждает и закрепляет присутствие в материальном мире, становится утратой телесного способа познания и взаимодействия с миром, восприятия реальности посредством свойств и навыков тела. В связи с этим в поэтическом мире Бродского зрительным, телесно значимым эквивалентом пустоты, свободы от повседневности является темнота как потеря возможности познания мира извне, посредством тела. Отчужденное состояние сознания обнаруживает особый способ восприятия реальности и самого себя и на языковом уровне. Языковым выражением отчуждения становятся речевые конструкции со значением завершенности, необратимости прежнего способа бытия, воплощающие образ цельного, готового в своей законченности бытия. Такими конструкциями являются глаголы со значением прошедшего времени, а также константная для поэтической реальности Бродского речевая модель «уже не», воплощающая значение итоговости, конечной точки в протяженности

повседневного существования, завершение и отстранение сознания здесь-и-сейчас от образа прошлой жизни: *«Я сижу у окна. Я помыл посуду. / Я был счастлив здесь, и уже не буду»*. На уровне текстовой структуры выражением отчужденного состояния сознания становится стремление текста к самозавершению, к самосворачиванию, к утверждению небытия на месте говорящей реальности. Сама речь стремится к прекращению, таким образом, создается поэтика уменьшения мира. Воплощение себя как нового типа бытия, отдельного и чуждого прежнему, порождает появление в поэзии Бродского идеи сиротства как лишенности всех прежних связей и привязанностей, чувств и самого способа чувствования. Явление сиротства, потери своего места, самого себя в завершенном оставленном бытии становится неизбежным условием зарождения нового, отчужденного состояния сознания: *«И вот бреду я по ничьей земле / и у Небытия прошу аренду»*. Сиротство перерастает в изгнанничество, причем событие эмиграции и сама идея изгнанничества как качества личности по отношению к остальному миру представляет собой у Бродского не только отражение реального биографического момента, не только утрату причастности к определенному географическому (идеологическому) пространству, но в большей степени – константу внутреннего мира, особую структуру сознания по отношению к повседневной реальности во всех её проявлениях в целом.

В третьем разделе **«И время – прочь, и пространство – прочь»** рассматриваются особенности самообнаружения отчужденного сознания в поэзии Бродского относительно категорий времени и пространства: *«В этом мире страшных форм / наше дело – сторона»*. Свобода от всеобщности идеологического, морального, эстетического единства, выпадение из единого измерения и единых способов оценки реальности воплощается Бродским как выпадение из единого, всеобщего (в смысле способов исчисления) времени. При этом отчужденное сознание утрачивает сам повседневный способ познания, измерения и описания времени: как личного, субъективного, так и исторического, в контекст которого вписано личное, и личным же создается. Повседневное понятие и измерение времени основано на идее конечности человеческого бытия, что обуславливает идею помещения времени в искусственно созданные человеческим сознанием промежутки и отрезки, воплощающие образ времени как некоего

равномерно движущегося потока, изменяющего мир, тогда как отчужденное сознание совпадает с Вечностью, нейтрализующей понятия конечности, предельности и движения как показателя изменения: *«С точки зрения времени нет «тогда»: / есть только «там», «Время больше пространства. Пространство – вещь. / Время же, в сущности, мысль о вещи»*. Таким образом, сознание в отчужденном от повседневной реальности состоянии выпадает из того типа времени, которое можно охарактеризовать как «время для человека» и обретает новый тип вечной бытийной категории, определяемый как «время для себя» или «человек для времени».

Третий параграф «Отчужденное сознание и форма существования поэтического языка» представляет собой исследование специфического способа самовыражения отчужденного сознания посредством особого, отчужденного от обыденных смыслов и норм состояния языка, которое может быть интерпретировано как поэтическое на основании критерия утраты связи с повседневными значениями и принципами функционирования языковых единиц. Завершение своего пребывания в повседневной реальности, воплощение своего «я» в качестве изгнанного, отторгнутого этой реальностью происходит в поэзии Бродского и как выпадение из речевой плотности обыденного мира, как исчезновение из обыденного состояния языка, реализуемое в состоянии молчания в говорящей реальности: *«Данная песня – не вопль отчаянья. / Это – следствие одичания. / Это – точнее – первый крик молчания»*. Отчуждение от обыденного состояния языка, образ которого обусловлен конкретной исторической эпохой, то есть повседневно исчисляемым временем, реализуется у Бродского в использовании приема иронии по отношению к языку, отражающему конкретную историческую повседневность: *«Жизнь – она как лотерея». / «Вышла замуж за еврея». / «Довели страну до ручки» / «Дай червонец до получки»*. Ирония, рождающаяся именно в связи с оппозицией «свое-чужое», становится стилистическим выражением отчужденного «я», исключенного из пределов обыденного языкового бытия.

Утрата языка в его повседневном состоянии также приводит к явлению сиротства, в данном случае – сиротства языка как потери прежних норм функционирования, прежних значений своих единиц и собственно самих

принципов номинации. «Осиротение» языка, выход его за пределы обыденного состояния становится событием рождения нового языкового бытия – языка в его поэтическом состоянии: *«Поэзия, должно быть, состоит / в отсутствии отчетливой границы»*. Поэтическое состояние языка нейтрализует прежний способ взаимодействия языка и человека, определяемый как «язык для человека», утверждая для отчужденного «я» новый – «человек для языка»: *«Человек превращается в шорох пера по бумаге, в кольца, / петли, клинышки букв и, потому что скользко, / в запятые и точки»*. Таким образом, отчужденное сознание открывает языковую стихию как управляющую и направляющую человека, определяющую и задающую его внутреннюю структуру, ту его природу, познавая которую, человек (то есть уже поэт) попадает в зависимость от языка, становясь формой его существования и проявления в мире, обретая себя в качестве специфическим образом организованной языковой формы, в качестве «части речи» (Бродский). Процесс поэтического творчества, представляющий собой переход в иное, чуждое обыденному состояние сознания и языка, становится собственно творческим актом, то есть творением нового бытия, практическим осуществлением процесса отчуждения сознания от повседневного мира, самой «процедурой небытия», текстовым закреплением исчезновения «я», пребывающего в поэтическом состоянии сознания и языка, для остального мира.

Искусство отчуждения в поэзии И.Бродского, воплощенное одновременно и в качестве процесса, и в качестве результата, представляет собой творение нового, чуждого повседневному типу бытия, которое обусловлено особым, поэтическим состоянием сознания и, следственно, языка. Отчужденное бытие как завершение дления памяти о вещи, памяти о себе (как о теле, присутствующем в мире), памяти о времени и памяти о языке становится пространством зарождения иного типа бытия, определяемого как «мысль о вещи», «мысль о времени» и «мысль о языке», совпадая с которой, поэт обретает себя как форму пустоты-бессмертия-Вечности.

В заключении подводятся итоги исследования и излагаются выводы:

Феномен отчуждения, рассматриваемый нами в качестве определенной мировоззренческой установки, реализуемой в особых художественных стратегиях организации поэтического пространства в поэзии Д.Хармса и И.Бродского, становится искусством преобразования самого способа бытия «я» относительно

реальности, то есть самым способом создания эстетически завершенного мира. В обоих случаях отчуждение представляет собой моделирование средствами поэтического языка выхода из границ повседневной реальности, а также реконструкцию – в поэзии Хармса – и творение – в поэзии Бродского – особых, внеповседневных пространств пребывания отчужденного состояния сознания и языка. В случае Хармса таким полем отчужденного бытия становится «домирная пустота», а в случае Бродского – постбытийная чистота. Разрушение мира во всех его проявлениях и творение своего исчезновения из мира как реализация отчуждения в поэзии Хармса и Бродского воплощают высвобождение бытийных категорий в их «чистом виде» (Бродский), а также само явление бытия из границ повседневной реальности и повседневного сознания с целью открыть бытие и себя в качестве формы божественной пустоты/чистоты, в качестве формы поэтической внепредельности.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

1. Б. Пастернак и Д. Хармс: два пути к лингводицее. // Русская литература XX – XXI веков: направления и течения. Вып. 7. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т; ИФИОС «Словесник», 2004. – С. 55-64.

2. Оппозиция «свое – чужое» в лирике ранней А. Ахматовой. // Изучение творческой индивидуальности писателя в системе филологического образования: теоретические аспекты; 5 – 8 классы; 9 – 11 классы: Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции «Изучение творческой индивидуальности писателя в системе филологического образования: наука – вуз – школа». 24-25 марта 2005 г. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т; Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник», Екатеринбург, 2005. – С. 204-207.

3. Н. Заболоцкий: поэтическая игра с реальностью. // Дергачевские чтения – 2004: Русская литература: общенациональное развитие и региональные особенности. Материалы междунар. науч. конференции. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 133-137.

4. Принцип онтологической неуверенности в поэзии Д.Хармса. // Дергачевские чтения – 2004: Русская литература: общенациональное развитие и региональные особенности. Материалы междунар. науч. конференции. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 50-54.

Подписано в печать 02.05.06

Бумага типографская

Тираж 100 Заказ № 81

Екатеринбург, К-83, пр.Ленина, 51.

Формат 60x84 1/16

Усл.печ.л. 1

Печать офсетная

Типолаборатория УрГУ